

лась таким образом, что белорус, словно волею злого рока, постоянно отдалялся от родного языка, духовной «спадчыны», родной земли, которые рассматривались как основная точка опоры.

XXI век открыл новые перспективные возможности для развития культуры Беларуси. Существует реальный шанс, позволяющий динамично двигаться по пути самобытного и независимого культурного развития. Ведь только как уникальный, неповторимый тип духовности, в основе которого лежит эмпатическо-практическая направленность, белорусская культура может занять свое достойное место в системе мировой коммуникации.

М. О. Марченко

Симферополь, Крымский федеральный университет
имени В. И. Вернадского

Гендерная специфика ценностных ориентаций маскулинной женщины в культуре

Современное общество — общество глобальных трансформационных процессов. Проблема гендерной идентичности и гендерных взаимоотношений затрагивает практически все стороны жизнедеятельности человека. На сегодняшний момент биполярная модель «мужское — мужчинам», «женское — женщинам» изменяется, и данный процесс затрагивает каждую отдельную личность, которая доказывает или изменяет свои установки, вследствие чего происходит преобразование личности.

Проблема гендера впервые была поставлена американским психоаналитиком С. Бэм, которая ввела для этого специальные термины и разработала методiku определения психологического пола. Если мы говорим о половой принадлежности, то используем понятия «мужской» и «женский», а когда говорим о гендерной идентичности, то пользуемся понятиями «феминный» и «маскулинный». Швейцарский психиатр, основоположник аналитического подхода в психологии, К. Г. Юнг, разрабатывая универсальные принципы маскулинности и феминности, ввёл понятия «анимус» и «анима». Он считал, что анимус и анима никогда не существуют в чистом виде, то есть в любой женщине время от времени проявляется мужчина и наоборот. Впервые различие

в дефинициях «пол» и «гендер» встречается у американского психоаналитика Р. Столлера, который попытался разделить биологический пол и род, т.е. гендер человека, и объяснить тем самым возможность существования в культуре людей женского пола, но мужского рода, и наоборот. Эта категория была призвана объяснить прижизненность возникновения различий в разнообразных социально-психологических характеристиках конкретных женщин и мужчин при принципиальном тождестве их биологии внутри половой группы; социальный характер конструирования противоположной субъектной позиции и активности, а также социального бытия женщин и мужчин на основе транслирования культурных конструктов «феминности» и «маскулинности», обеспечивая тем самым поддержание и воспроизведение укоренившейся социальной системы власти и доминирования.

Пол понимался в качестве анатомо-физиологических, неизменных природных особенностей человека. Он считался неизбылемым, неизменным природным основанием, над которым лишь надстраивается социальная реальность (гендер), не затрагивающая сам пол последующими обратными влияниями. Гендер, в противовес биологии, выдвигался как социальный пол, который, исходя из различий в культурно-исторических аспектах обществ, многолик и разнообразен у разных представителей одной половой группы, но, в тоже время, применительно к конкретному субъекту, мыслился неизменным, сформированным социальным конструктом.

Последующая рефлексия позволила отойти от простого противопоставления категорий «пол» и «гендер». Во многом этому способствовали разработки области смыслового пространства гендера. Многоплановый и в то же время противоречивый феминистский дискурс задал открытость и широту эпистемологии нового понятия, на сегодняшний день трактуемого не только в качестве социального конструкта, но и как социальный институт, сеть властных отношений, идеологическая система. Впоследствии данная концепция использовалась представителями феминистской антропологии Маргарет Мид, Элси Парсонс, и др. В России гендерная проблематика подробно изучалась в философии феминизма, в работах О. Ворониной, Т. Клименковой, М. Малышевой, Е. Здравомысловой, А. Тёмкиной и др., которые рассматривали гендер как социально-демографическую категорию, как катего-

рию субъективности, как социальную конструкцию, культурную метафору. Гендер — сложная многоуровневая система, воплощающая в себе культурно-символическое определение пола. В более узком и строгом смысле гендер обозначает «социальный пол», социально детерминированные роли, идентичности и сферы деятельности мужчин и женщин, зависящие не от биологических половых различий, а от социальной организации общества [6, с. 20].

Гендерное разделение труда и нормы поведения не универсальны, а культурно обусловлены и исторически изменчивы, к ним нужно относиться критически. Совокупность взглядов о феминности и маскулинности, об отношениях полов в разных областях общественного бытия создается в недрах культуры, базируется на ее традициях и выражает практику взаимоотношений среди мужчин и женщин в мире.

В традиционном патриархальном обществе мужчина испокон веков был охотником, добытчиком пропитания, сильной стороной общества. Женщина же была утонченной представительницей социума, которая вела хозяйство, воспитывала детей и была хранительницей устойчивого положения собственного дома. Тем противоестественней является словосочетание «женщина-воин» — женщина, отнимающая, а не дарящая жизнь. Такую женщину мы можем охарактеризовать как маскулинную. Маскулинность — комплекс телесных, психологических и поведенческих особенностей, рассматриваемых и воспринимаемых как мужские, т.е. лидерство, доминирование, агрессивность, самодостаточность, целеустремленность и др. [4].

С понятием маскулинности в культурологии непосредственно связан архетип «девы-воительницы» — женский образ, обладающий сильным характером и обычно занимающийся военным делом [2]. В культурном наследии практически каждого народа можно обнаружить женщин-воительниц: где-то они были традицией, а где-то исключением. При этом практически в любом социуме представители сильного пола утверждали, что война — не женское дело. Французский мастер куртуазного романа Кретьен де Труа в романе «Ивейн, или рыцарь со львом» писал:

Сражаться даме не пристало.
Кровопролитный блеск металла
Не для прекрасных женских рук.
Хороший нужен ей супруг... [3]

Однако зачастую, чтобы найти себе достойного спутника жизни, дочерям Евы необходимо было взять в руки оружие. В истории древней культуры известно множество примеров от царицы амазонок Пентеселеи и Камиллы — героини «Энеиды» римского поэта Вергилия до английской королевы Гвендолин и Василисы Микулишны — супруги Ставра Годиновича. В мифологии архетип девы-воительницы наиболее полно представлен в образах греческой Афины, римской Беллоны, шумерской Инанны, скандинавской Фрейи и др.

Сарматские девушки не имели права выйти замуж, пока не убьют врага. Поляницы — воинственные половецкие девушки — бесстрашно вступали схватку с русскими богатырями. Женщины-ниндзя — куноити — были известны в средневековой Японии. Кодекс бусидо восхвалял женщин, «которые были способны подняться выше несовершенства и недостатков, свойственных их полу, и проявить героическую силу духа, которая могла бы быть достойной самых храбрых и благородных мужчин» [5].

Первая мировая война помогла женщине стать иной, предоставила возможность реализовать себя в новом качестве, как профессионально, дав доступ к недостижимым ранее профессиям и специальностям, так и в гражданско-правовом смысле. Поэтому, наверно, не случайно одна из статей в Женском вестнике была названа «Открытие Америки». В ней отмечалось, что в деревнях и городах мужчины «...открывают Америку по отношению к женщинам». Они с изумлением убеждаются, что женщины способны делать то же самое, что и мужчины. Современники-мужчины даже с ехидством предсказывали, что «...после борьбы с немецким засильем мужчинам предстоит бороться еще с бабским засильем». Отметим, что и в других воюющих государствах отмечалась тенденция завоевания женщинами новых профессий, чувства свободы и ответственности. На эту особенность указывает в своей работе французская исследовательница Эвелин Сюллеро: «... В сфере труда война в некотором смысле как бы пошла на пользу женщинам... Мужчины мобилизованы, и женщины воспользовались этим необычным положением. Именно в 1914–1918 гг. они обрели недосыгаемую для них ранее экономическую независимость. И именно во время войны они начали коротко стричь волосы, укорачивать юбки. Миллионы мужчин, вернувшихся домой с фронтов, не узнали своих жен...» [7, с. 168]. В экстремальной ситуации гендерная

идентификация и гендерные стереотипы проявляются гораздо ярче, так как там акцентируется именно маскулинная система ценностей. Первую мировую войну можно назвать своеобразной точкой бифуркации. Бифуркация — от лат. *bifurcatio* — раздвоение, разветвление) — понятие, разработанное в синергетике, но имеющее категориальное значение, поскольку позволяет более точно представить то, что в диалектическом материализме именовалось «скачком» или «перерывом постепенности», т.е. происходящее в момент появления нового качества [1]. Война породила широкую общественную инициативу женщин, внесла новый импульс в повседневность. Многие из них подчинили свою работу потребностям фронта. Получило распространение движение сестер милосердия. Участие женщин в боевых действиях поначалу не было организованным, это был личный порыв, причем добровольцы скрывали свой пол, выступая в мужском обличье. Тем знаменател феномен прапорщика Марии Леонтьевны Бочкаревой и организованного ею «Первого женского батальона смерти». В период, когда мужчины не видели смысла в проливании крови на войне без идеи, женщины взяли на себя его роль патриота, чему поспособствовала трансформация гендерного статуса женщины, её поведенческих и мотивационных стереотипов. Она воплощает новые гендерные ориентации и, осознавая это, становится активным, дестабилизирующим фактором, способствующим падению стереотипов «мужского мира». Таким образом, происходит некая «ревизия» в каждом поколении заданных культурной символикой стандартов поведения. Этот процесс протекает интенсивно в условиях трансформации структуры общества, например, как мы наблюдали вовлечение женщины в процесс защиты Родины в годы Великой Отечественной войны. Смена гендерных ролевых функций — процесс неоднозначный. Война изменила и внесла новые импульсы в женскую повседневность. Трансформация общественного сознания на личностный уровень конкретной личности проходит через осмысление им ценностных установок, норм и правил гендерного поведения через призму собственного видения, учитывая культурный опыт.

На сегодняшний день заметны существенные изменения и переосмысление роли и образа женщины в обществе. На смену господствующего патриархата приходит согласие и взаимодействие мужчин и женщин.

Литература

1. Бифуркации точка [Электронный ресурс].— Режим доступа : <http://terme.ru/dictionary/1071/word/bifurkaci-tochka>.
2. Дева-воительница [Электронный ресурс].— Режим доступа : <https://ru.wikipedia.org/wiki/Дева-воительница>.
3. Кретъен де Труа. Ивэйн, или рыцарь со львом [Электронный ресурс].— Режим доступа : <http://www.lib.ru/INOOLD/DETRUA/ivane.txt>.
4. Маскулинность [Электронный ресурс] // Сексологический словарь.— Режим доступа : <http://dic.academic.ru/dic.nsf/seksolog/119>.
5. Онна-бугэйся [Электронный ресурс]. — Режим доступа : <https://ru.wikipedia.org/wiki/Онна-бугэйся>.
6. Словарь гендерных терминов / под ред. А. А. Денисовой.— М. : Информация XXI в., 2002.
7. Сюллеро, Э. История и социология женского труда / Э. Сюллеро.— М. : Прогресс, 1973.

Н. А. Масюкова

Минск, Минский городской институт развития образования

Социально-культурные и методологические основания практикоориентированной направленности НИР в системе образования

Поиск путей решения проблемы обеспечения практикоориентированной направленности совместных проектных разработок (ученых и практиков) возможен на основе таких оформляющихся в последние годы научных подходов, как антропологический, культурологический, средовой и синергетический. **Антропологический подход** в образовательной интерпретации В. И. Слободчикова [7] постулирует необходимость теоретического и практического сохранения целостности человека как биологического индивида, социокультурного субъекта и духовно-практического существа. Идеи именно этого подхода легли в основание разработанного научным коллективом Национального института образования культурно-исторически-образовательного проекта экспериментально-центра начального образования «Фальварак» (2001–2005 гг.).

Средовой подход ([9], [10] и др.) позволяет разрабатывать щадящие, ненасильственные образовательные технологии, смещающие акцент организационно-педагогических усилий с обучающегося на его окружение, включая и самого педагога. Такие